

ЧТО ДЕЛАТЬ С ДРАКОНАМИ

Независимая
газ.-2001.-Вост.
с 9-10.

(Окончание. Начало на стр. 9)

— Хорошо, скажем «известность».

— Да, в широком понятии она действительно связана с киноработами, но в Москве меня больше знают как театрального актера. 26 лет назад я пришел на главную роль в спектакле «В списках не значится» и с тех пор имею честь называть себя артистом московского театра «Ленком».

— Столичный зритель и та публика, с которой вы встречаетесь на гастролях, очень разнятся?

— Лично я большой разницы не вижу. Везде полные залы, везде понимание. Конечно, есть и специфические особенности. Питер, к примеру, совершенно отдельный город. Театральный, прямо-таки сумасшедший — в хорошем смысле этого слова. Он или тебя отталкивает, или принимает, но если принимает, то до конца и с удивительной теплотой. Мы только что закончили свои гастроли — играли «Варвара» в ДК Ленсовета. Там две с лишним тысячи посадочных мест, мало того что все они были заняты, еще тысяча стояла по стенкам и сидела на полу. Совсем как в старые добрые времена. Я помню, что там творилось, когда мы приехали с «Юноной» и «Авось». Это походило на то, как встречали «Битлз».

— С Питером понятно, а когда вы проезжали по странам бывшего Союза, вы чувствовали себя за границей?

— У меня не было ощущения, что это другие страны. Я вообще не понимаю, зачем кому-то понадобилось нас разделять.

— Сейчас много говорят о соотечественниках, в том числе и за рубежом, традициях, русской культуре и так далее. А как бы определили понятие «русская культура» вы?

— Можно долго рассуждать на эту тему. Русская культура — это прежде всего века. Она так долго собиралась по крохам, и она вмещает в себя очень многое, а не только книги, или картины, или то, что проходит по ведомству одноименного министерства. Культура — это то, как люди разговаривают, как ходят, смотрят, одеваются, в каком состоянии дороги, дома.

Если я сяду и буду тупо все подряд читать, меня, и то в лучшем случае, можно будет назвать начитанным. Если я буду только ходить в театр, я могу назвать себя театроведом, но культура куда более широкое понятие. Это как наше отношение к прошлому и будущему, наше отношение к старикам, к детям — все складывается из всего. У страны, которая не помнит своего прошлого, старается от него откатиться, нет и не может быть продолжения. Поэтому я не понимаю, зачем сносятся памятники. Смысла не понимаю.

— Можно полюбопытствовать насчет ваших художественных вкусов?

— Я очень банальный человек: я люблю «Битлз». Я на них воспитан, это моя любимая музыка. Если же говорить о литературе, то я люблю Булгакова, люблю Достоевского. Это удивительный писатель и единственный автор в моей жизни, который может меня заве-

сти куда угодно. Впервые за двадцать шесть лет работы в театре я выхожу на сцену и не знаю, как буду играть. Меня тащит текст, я произношу первую фразу «Папаша мой, Степан Трофимович» — и все! Меня куда-то повело... А завтра все может пойти совершенно по-другому. И в «Игроке» теперь то же. Произношу первые слова, и от меня больше ничего не зависит. Я даже могу другим голосом заговорить. Но это не я говорю, это Федор Михайлович во мне говорит. Такой уж это автор, ничего не поделаешь.

— Вашим партнерам по сцене это, наверное, доставляет определенные трудности?

— Это надо у них спрашивать. Хотя я несколько раз ловил на себе озадаченные взгляды. Такие глаза бывают у людей, которые не понимают, что происходит. Но в таких ситуациях как раз и виден класс актера. Или ты сумеешь попасть в такт — или рано или поздно вылетаешь из команды.

— А случалось с кем-то до вас, чтобы человек выходил на сцену, открывал рот, и его начинало «нести»?

— Бывало, разумеется. Известный случай, когда Михаил Чехов вдруг заговорил не своим голосом и не своими интонациями, причем до этого сыграл сто спектаклей абсолютно нормально. А когда его спросили, почему он это сделал, он ответил, что не знает. И сделал он это один-единственный раз. Это опять же вопрос профессии.

СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩИМ ПАРТИЗАНАМ

ВЛАДИМИР Жириновский, как известно, любит давать советы всем и вся, по любому поводу, в любое время года и суток.

Недавно на пленарном заседании Госдумы его советом был озадачен «доктор рабочих наук» Василий Шандыбин. «Василий Иванович, — молвил Либераллисимум Всея Руси, — а вы знаете, что ваша фамилия стоит в списке главных террористов ЦРУ второй после бен Ладена? Не переживайте сильно, поезжайте к себе на Брянщину, затаитесь в радиоактивных брянских лесах и ни о чем не думайте, не напрягайтесь — пока рейнджеры будут отлавливать ваших соратников по партии, вы сможете отсидеться на родине. Благо что американский спецназ в брянские леса не сунется. Когда счетчики Гейгера зашкалят, они будут уносить ноги быстрее курьерского поезда. А бомбить дремучий партизанский край мы им не разрешим!»

После такого пламенного совета Василий Иванович отправился на свое рабочее место в Госдуме весьма озадаченный: то ли размышлял о путях Господних, которые неисповедимы, то ли о путях отхода из Москвы. Впрочем, он быстро

Указующий перст Владимира Жириновского. Фото Фреда Гринберга (НТ-фото)

ро пришел в себя — и страна по-прежнему слышит его бодрый голос и видит лучезарное лицо с

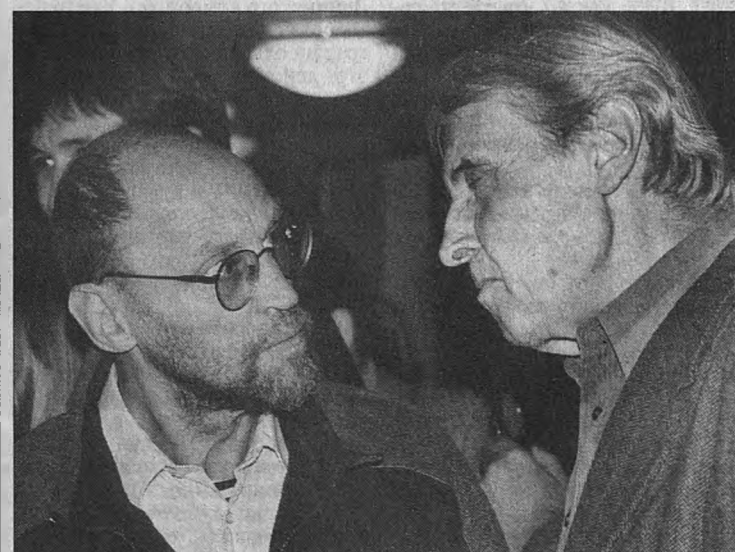
коммунистическим нимбом вокруг головы.

Алек КИВИ

НЕОПОЗНАННО-ДИВНЫЙ ОБЪЕКТ

ИМЕННО этими словами из нового гимна НЛО начался вечер в модном ныне «Аптекарском огороде», посвященный выходу 50-го номера «Нового литературного обозрения». Филологи, коих было крупное собрание, посвящали НЛО песни; НЛО одаривало самых любимых авторов подарками и премиями. Кто-то получил даже саблю. Участников взбадривала спонсорская водка, без устали разносимая внимательными официантами. Авторы вышедших в издательстве книг могли приобрести наконец собственные произведения на книжном развале, устроенном тут же. Дивно выглядели Лев Рубинштейн и Дмитрий Александрович Пригов, судя по всему, выписывающие автографы друг другу. Дмитрий Александрович посетовал, правда, на полное отсутствие новостей в жизни. «Хотя и это неплохо, — заметил классик авангардного стихосложения. — Не дай бог еще придется узнавать, что потеряна рука, нога или того хуже — голова».

Финал мероприятия, однако, превзошел все ожидания выдавшей многое публики. Главный редактор НЛО — и журнала, и издательства — блистательная Ирина

Обладатель Пушкинской премии поэт Дмитрий Александрович Пригов и член жюри Пушкинской премии филолог Сергей Бочаров скептически обсуждают будущих лауреатов. Фото Михаила Циммеринга (НТ-фото)

Прохорова, всегда строгая и изысканная, выступила в новом амплуа. Канкан, исполненный ею под музыкальный размер в две четверти, внес смятение в души наблю-

дающих — не оставит ли она литературное попрание ради эстрадного? И заработать, кстати, можно будет поболее.

Аполлон МУСАЕТОВ

НУ, ПОГОДИТЕ, ПЯТНА НА СОЛНЦЕ!

Дети солнца — Александр Курляндский, Виктория Ветрова и Виктор Мережко. Фото Марины Мурановой

В КЛУБЕ «Сол» в день осеннего равноденствия прошла необычная тусовка «Пусть всегда будет солнце!». На этот раз вечер сопровождали лозунги «Долой осень!», «Дашь солнце!», «Солнце над Москвой — круглый год!». С этими транспарантами на берегах Яузы собрались артисты, поэты, музыканты: феминистка Мария Арбатова, писатель-создатель сценария мультсериала «Ну, погоди!» Александр Курляндский, драматурги Виктор Мережко и Борис Львович, композитор Эдуард Ханок — все в солнцезащитных очках. Собравшиеся выразили всеобщее недовольство тем, что, по официальной метеорологической ста-

дни официальных праздников, но и в течение всего года. Программа началась ровно в 19.31 — в момент астрономического заката солнца.

В конкурсе на самый бронзовый загар «Бабьему лету — летнюю бабу!» победила солистка группы «Божья коровка» с красноречивым именем Наташа Шоколадкина. Из мужчин самым загорелым был признан Виктор Мережко, который приехал с корабля на бал — с «Киношока» из Анапы, где успешно совмещал работу президента с процессом загорания. Затем прошел актерский конкурс «Пусть всегда будет солнце!» на лучшее создание образа солнца. В конкурсе победил поэт, создатель шлягера «Ах, лето!» Виктор Пелевин.

ловы, что в данном случае потеряла современная поэзия и что нашла Мельпомена? Вопрос остался открытым.

Зато на другой вопрос: «Что делать с пятнами на солнце?» — ответ было более чем достаточно: «На Земле пятен гораздо больше, — рассудил Александр Курляндский. — Давайте сначала выведем их у себя на земле, потом примемся за Солнце!» Виктор Мережко блеснул нравственным силлогизмом: «Убери пятна сначала со своей души, а потом с солнца!» А поэтесса Виктория Ветрова ответила чисто по-женски: «Наверное, надо позвать тетю Асю, которая хвалится, что ее средство справляется с любыми пятнами! Вот и проверим,

ПИР ДЕРЖАВНЫЙ

(Окончание. Начало на стр. 9)

Самый большой съезд дипломатического корпуса в Москве происходил на коронации. Наталья Каргаполова рассказала, что на выставке впервые показывались картины художника Владимира Розанова, на которых изображена торжественная иллюминация в Москве во время коронаций Александра III в 1883 году и Николая II в 1896-м.

— Это сенсация. Полотна были скатаны на валы и находились в жутком состоянии. Про них вообще забыли и обнаружили совсем недавно. Наши реставраторы приложили много стараний, чтобы привести их в нормальное состояние. Получился даже эффект электрических огней. Мы восхищаемся подсветкой современной Москвы, ее центра. А вы посмотрите сюда: вид Кремлевской набережной, вид Софийской набережной и подсветка воды — роскошные фонтаны. Работали над оформлением лучшие инженеры и художники того времени. На Лубянке был сооружен павильон в виде шапки Мономаха. Только что был освящен храм Христа Спасителя — это коронация Александра III — и подсвечен очень благородно. Подсветка осуществлялась с помощью электричест-

